

О Т Р Ы В О КЪ

И ЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Tantæt ne animis scholasticis iræ !

Распра между двумя извѣсными журналистами надѣлала шуму. Поспраемся изложиши исторически все дѣло *sine ira et studio*.

Въ концѣ минувшаго года *Редакторъ Вѣспника Европы*, желая въ слѣдующемъ 1829 году пострудиться еще и въ качествѣ *Издателя*, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя

учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ крипиковъ въ односторонности и скудости Вѣспника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и решительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. « Предполагаю работашь самъ, » говорилъ почтенный Редакторъ, « не отказывая однако жь и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ. » Сіи позднія, но шѣмъ не менѣе благородны.

гія намѣренія, сія похвальная заботливость о руской лишературѣ, сія великодушная снизходительность къ сотрудникамъ, тронули и обрадовали насъ черезвычайно. Пріяшно было бы намъ привѣтствовать первые пруды, первые успѣхи знаменитаго Редактора Вѣсника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его крипки озаритъ вышепомянутыя тундры обласпи бытописаній, а законы словесности, умолкшие при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ успами ученаго Редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдований замѣчаніями о заглавномъ листѣ *Исторіи Государства Россійскаго*, или даже разсужденіями о куньихъ морд-

кахъ , но вѣрнымъ взоромъ обнимепъ наконецъ твореніе Карамзина , оцѣнишь испину его разысканій , укажешь источники новыхъ соображеній , дополнитъ недосказанное. Въ крипикахъ собственно - литературныхъ мы не будемъ слышать по брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта , то непристойныхъ криковъ пьяного семинариста. Крипки Г. Каченовскаго должны будущъ имѣть рѣшильное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будущъ ими забавляться , какъ пошлыми шупочками журнального гаера. Писатели извѣстные не будущъ ими презирать , ибо услышашъ окончательный судъ своимъ произведеніямъ , оцѣненнымъ ученостью , вкусомъ и хладнокровiemъ.

Можемъ смѣло сказать , что мы ни единой минуты не усомнились въ

исполненіи плановъ Г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но Г. Полевої, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ поварищъ-журналистовъ, худо повѣриль новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20^й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года, спашью, въ которой сильно напаль онъ на почтеннаго Редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣшишь не-приличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, Г. Каченовскимъ, онъ говорить:

« Если бы онъ (Вѣстникъ Европы) старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своеемъ, принялъся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ

голосомъ безприспрастія ; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости , желаніе учиться и познавать испину , всѣ охотно спали бы слушать его . »

Странныя требованія ! Въ лѣтахъ Вѣсника Европы уже не учаится и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ . Скромность , украшеніе сѣдинъ , не есть необходимость лишерашурная ; а если сознанія , требуемыя Г. Полевымъ , и заслуживають какое нибудь уваженіе , то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтенного старца , безъ болѣзниенного чувства стыда и состраданія ?

« Но *что* сдѣлалъ до сихъ поръ издашель Вѣсника Европы ? » продолжаетъ Г. Полевой . « Гдѣ *его* права , и на какой воздѣланной *его* трудаами землѣ , онъ водрузилъ свои знамена : гдѣ , за какимъ океаномъ

эта обѣщованная земля? Юноши, обогнавшие издателя Вѣсника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣсника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивишься ли, что теперь Вѣснику Европы видятся чудныя распри, грезящіе кимвалы бряцающіе и мѣдь звѣнящая? »

На сie опубликовуемъ:

Если Г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, доспойной нѣкото-раго вниманія, не напечатавъ, въ печеніе 26 лѣтъ, ни одной замѣча-тельной спашти, снискалъ однакожь себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примешится за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій про-сидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ,— согласенъ: но какъ могли юноши

обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Версповскаго: но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевель Терезу и Фальдона: что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что Г. Половой неправъ, ибо обнаруживается какое-то приспрашиваніе въ замѣчаніяхъ, которыя съ первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ Г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличные и приспрашиванные выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 N. Вѣсника Европы слѣдующее примѣчаніе Редактора къ спашьѣ своего почтеннаго со-прудника, Г. Надоумки (одного изъ

великихъ писателей , приносящихъ испинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвующъ).

« Здѣсь приличнымъ считаю объявить , что препиращься съ Бенигною я не имѣю охопы , отказавшись навсегда отъ безплодной полемики ; а теперь не имѣю на то и права , предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигни и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы спашы Телеграфической , если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности , прикосновенными къ чести службы и къ доспойнству мѣста , при кошоромъ имѣю счастіе продолжать оную. *Рдр.* »

Сie загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое беспокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола Г. Бенигни ?

нигны предпринялъ почтенный Редакторъ? что значитъ *игривый произволъ Г. Бенигны?* что такое: *быль углегенъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ гости службы и достоинству мѣста?* (Впрочемъ смыслъ послѣдней фразы донъинѣ оспається шемень, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношении.)

Многочисленные почишали Вѣспника Европы запрепетали, прочи-
павъ сіи мрачныя, грозныя, беспо-
рядочныя спроки. Не смѣли вообра-
зить, на чѣо могло рѣшишься ры-
царское негодованіе Михаила Трофі-
мовича. Къ счастію, скоро все объ-
яснилось....

Успокоясь на сцепъ ужаснаго смы-
сла вышепомянутаго примѣчанія,
мы сожалѣли о безполезномъ дѣй-
ствіи почтеннаго Редактора. Всѣ

предвидѣли послѣдствія онаго. Въ спашь Г. Полеваго личная честь Г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ лишерашурныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о шайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Между пѣмъ, ожесточенный издаатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую спашью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся лишерашурская жизнь Г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ просподушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный Редакторъ пользуясь славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ

съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ спашеекъ, ничего не произвель. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но чѣмъ всего важнѣе, Г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофимовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ спашейкахъ, чѣмъ онъ упрекалъ издашеля Телеграфа виннымъ его заводомъ (пяшномъ ужаснымъ, какъ извѣсно всему нашему дворянству!) чѣмъ онъ неоднокрашно съ упрекомъ новгороду Г. Полевому, чѣмъ сей послѣдній купецъ (другое, споль же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тушь уже мы приняли совершенно спорону Г. Полеваго. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ испиннаго, родового дворянства, коего существованіе споль важно

въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамопть? Потомокъ Трувора или Госпомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ, равны предъ законами кришки. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтилъ неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя испини.

Однако жь, шаково дѣйствіе долговременного уваженія! И шутъ мы укоряли Г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умилениемъ взирали на почтеннаго спарца, разспроенаго до шакой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ Рускому букварю, и преобразовать оный удивительнымъ

образомъ. Утѣшиительно для нась, покрайней мѣрѣ, то, что свѣдѣнія Михаила Трофимовича въ греческой азбукѣ описаны не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ неперпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междуусобная распра миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣженныхъ. . . .

A. Пушкинъ.

